

БЕЗ СВИДЕТЕЛЬНИЦЫ ОБОЙДУТСЯ

ЛАРИСА НАНЕВСКАЯ
Родилась, выросла и живет в Москве.
Два высших образования (экономическое — МЭСИ и литературное — ВЛН Литературного института имени Горького). Член Союза журналистов России, член Союза театральных деятелей России.

После окончания Литинститута в 2006 году с головой онуюлась в мир театра, горячо любимый с детства. Стала писать о театрах и спектаклях. Сотрудничала с различными изданиями, в том числе с журналами («Станиславский», «Театрал», «Театральная жизнь», «Театральный

мир», «Планета Красота», «Страстной бульвар» и др.), газетами («Новые известия», «Нультура», «АиФ», «Независимая газета» и др.). Работала пресс-секретарем Центрального Дома антера. С 2015 года — главный редактор и театральный обозреватель интернет-портала «Мнение».

Пятеро молодых людей на мгновение прильнули к окнам плацкартного вагона. Дружно подышав на заиндеветые стекла, ребята беззаботно глянули сквозь оттаявшие кружочки на заснеженную платформу, на озабоченных провожающих, отчаянно машущих вдогонку поезду Москва – Архангельск, и тут же забыли про темную, слякотную Москву, про сданную впопыхах зимнюю сессию. Их ждали приключения, они были переполнены любовью и предвкушением счастья. Они улыбались, снимая куртки, рассовывая рюкзаки под полки, рассаживались, придвигаясь к столику.

Марина, выпав на минутку из общей безмятежности, вдруг тревожно подумала, что зря не сообщила родителям про лыжный поход по Архангельской области: вдруг ЧП произойдет, мало ли как там сложится, хотя бы знали, где искать, да что уж там, теперь бояться поздно. Ну, разве можно было честно признаться? Мама точно бы не разрешила. Она Марину на выходные в Подмосковье и то отпускала с трудом.

– Неугомонный ты наш туристенок, – волновались родители, когда дочь собиралась на турслеты.

Для папы с мамой, ни разу в жизни не ходивших в поход, экстремальной была самая обыкновенная вылазка в лес по грибы, к ней готовились загодя: в коридоре в большую гору складывались корзи-

ны, дождевики, сапоги и те продукты, которые не портились, например сухари, соль, печенюшки. Марина очень не любила эти суетливые сборы, это никчемное волнение по пустякам. В отпуск родители собирались вообще за неделю, писали списки, чтоб ничего не забыть, складывали вещи в чемоданы. Едва прибыв на место отдыха, вскоре начинали готовиться к отъезду. В прошлом году в Москве проходила международная Олимпиада. Всех студентов, владеющих хоть каким-нибудь иностранным языком, призвали на помощь. Родители встревожились:

– Ты там поаккуратней, не скажи чего лишнего, с иностранцами близко не сходишь, за это по головке не погладят...

– Мам, пап, вы чего?! У вас же самих в юности был Всемирный фестиваль молодежи и студентов, сами рассказывали, как было здорово и весело...

– Да, был глоток свободы, но потом гайки все равно закрутили, а девушкам, родившим детей от иностранцев, вообще пришлось хлебнуть, и бедным их темнокожим детям досталось...

– Послушайте, я не собираюсь рожать темнокожих детей, я всего-навсего участвую в культурных программах...

– Мариш, ты запасные носки взяла? А свитер? Вот, я тебе погладила три футболки...

- Зачем мне на два дня три футболки, да еще глаженые?
- Дождь будет, все промокнет, хоть спать будешь в сухой. А выглядеть прилично девушка должна даже в лесу.

Марина кивала, хихикала про себя и втихаря отправляла все лишнее обратно на полку в шкаф.

В общем, в семье Акимовых Марина считалась матерой туристкой. Ее увлечение походами началось на втором курсе. Восторженные рассказы дочери о ночевках в палатках и песнях у костра неизменно вызывали у родителей тревожную панику. Готовить на костре под дождем, спать в спальнике на сырой земле – мама с папой и в страшном сне такое представить себе не могли, а дочь вдруг сразу стала самостоятельной. Иногда даже варила домашним гречку с тушенкой. Папа очень хвалил.

Марине нравились турслеты, в основном потому, что там всегда собиралась интересная компания. Больше всего на свете Марина ценила, как писал ее любимый Экзюпери, «роскошь человеческого общения». А еще среди туристов парней было куда больше, чем во всем их пединституте, потому что на слеты съезжались студенты из разных вузов. Помимо лесной романтики, Марина любила контрасты. Она обожала возвращаться воскресным вечером домой, скидывать прямо на пороге пропахшие костром рюкзак, штормовку и кеды и оккупировать до поздней ночи сверкающую белизной ванну. Погрузив отсиженное на бревне и искусанное комарами тело в блаженное тепло нежной пены, Марина мурлыкала под нос любимые песни. Перебирая забавные эпизоды прошедших выходных, «матерая туристка Акимова» по-детски радовалась благам цивилизации – горячей воде, разноцветным мочалкам и пушистому полотенцу, которое мама заранее согревала на батарее.

Про зимнюю поездку Марина наврала, мол, едет с однокурсниками на семидневную экскурсию в Архангельскую область, жить будут на турбазе, ходить по музеям, собирать северный фольклор. Врала достоверно, поскольку предполагалось, что поход начнется именно с турбазы.

- Только вы меня не провожайте: ни к кому на вокзал предки не придут, из-за вас мне будет перед ребятами дико неудобно, будто я первокурсница.

Не то чтобы Марине так уж хотелось покорять Север (совсем нет), просто в предстоящем походе

она всю неделю будет вместе с Саней Дубовым. У них с Саней совсем недавно начался серьезный роман, и в походе можно будет получше узнать друг друга. Предстоящие совместные приключения будили воображение, рисуя сладостные картины ее нежности и слабости и его силы и мужества.

Компания подобралась что надо! Помимо Сани, рядом была лучшая Маринина подруга Катя Родина, командир похода – Миша Ярцев, его младший брат Володя – смешной долговязый первокурсник, во всем старающийся подражать Мишке. Все ребята, кроме Сани, студенты педагогического института. Катя и Марина учились на третьем курсе музыкального факультета, Миша и Володя Ярцевы – на химфаке, только Миша – на четвертом курсе, а Володя – на первом.

Миша Ярцев, как опытный походник, на втором курсе стал председателем студенческого турклуба. Родители Мишки и Вовки таскали своих маленьких Ярцевых по лесам и горам, воспитывая из мальчуганов настоящих мужчин, способных преодолевать трудности. В девятом классе Мишка подружился с учителем физкультуры, помогая организовывать школьные походы по дальнему Подмосковию. Быстро освоил нехитрую науку обучения новичков, потому и пошел в педагогический, по совету физрука. Только Миша очень любил химию, поэтому решил стать учителем химии, а не физкультуры. Став студентом, Ярцев немедленно заразил всех любовью к туристическим походам. Народная молва распространялась быстро. В турклубе чуть не конкурс объявили: так много стало желающих вступить. В походы особенно рвались студентки, потому что в Мишкиной компании было полно парней, с которыми весело и которых так ничтожно мало на гуманитарных факультетах. Большинство девчонок тут же влюбились в Ярцева. Обаятельный сероглазый весельчак Мишка пользовался заслуженным авторитетом: играл на гитаре, ловко зажигал костер от одной спички, мог остроумно срезать задаваку, рассказать к месту новый анекдот и поначалу казался своим в доску парнем, но иногда мог и строгую дистанцию держать, если не хотел с человеком сближаться.

На втором курсе Марина тоже попросилась в турклуб. Миша не отказал, но взял таймаут, обещая подумать. Клуб не резиновый, и так перебор по женской части, а ведь в походе парней должно быть больше, на них лежит ответственность за обустройство стоянки, поскольку рубить дро-

ва – не женское дело. Мишка тщательно подбирал команды для совместных выходов на маршруты, умело соединяя новичков и опытных туристов, парней и девочек.

Марина Акимова терпеливо ждала отмашки на вступление, с грустью сознавая, что Мише она не слишком интересна и он никогда не снизойдет до нее. Она не красавица, особенно ничем не выделяется из толпы таких же темноволосых и кареглазых девушек. К тому же Марина с детства была худющей и длинной, как палка. Бабушка всегда ворчала, глядя, как внучка чахнет над тарелкой, словно Кошей над золотом: «Мужчина – не собака, на кость не бросится!» В десятом классе, желая обрести хоть какую-то женственность в фигуре, Марина старательно уминала столовыми ложками сметану, даже пиво втайне от родни.

Миша вспомнил про Марину, когда влюбился в Катю Родину. Как-то, увидев обеих девушек, курящих у входа в институт, подошел и лично пригласил подруг на турслет. Катя небрежно отмахнулась:

– Я, Миша, люблю комфорт, а палатки и спальники – не мое...

Маринка зашипела ей в ухо:

– С ума сошла? Ярцев еще никогда никого не звал, все сами в клуб просятся не допросятся. Тебе, Катя, все наши девицы обзавидуются...

– Катя, я тебя не тороплю, подумай, порасспрашивай Марину, она наслышана, да, Марин?

Марина просияла, закивав изо всех сил.

– Уверен, не пожалеешь, если с Мариной в клуб придешь...

– Сейчас все брошу и побегу в ваши дурацкие леса. – Катя докурила, бросила золотистый бычок в урну и красиво трянула головой.

Ее густые прямые, как натянутые струны, русые волосы взлетели светлой волной и снова рассыпались по плечам. Мишка замер. Маринка и сама залюбовалась, устыдившись своего шипения. Катя Родина была достойна кисти великого художника эпохи Возрождения, а не то что Мишкиного приглашения. У Кати была женственная фигура со слегка полноватой, так считала Марина, грудью, тонкой талией, круглой попой и крепкими, отчего-то всегда загорелыми ногами. Смеющиеся, полуприкрытые длинными ресницами серо-зеленые глаза, привлекательные ямочки на щеках завершали прекрасный образ подруги.

Катя загадочно кивнула остолбеневшему Ярцеву и не торопясь поплыла по прямому длинному коридору, покачивая округлыми бедрами. Мишка

долго не отрывал от уплывающего видения восторженного взгляда, затем просительно перевел глаза на Марину.

– Миш, я ее приведу в клуб, обещаю.

Ярцев обреченно махнул рукой и, свернув направо, побрел в другой корпус.

Догнав Катю, Марина крепко обняла подругу:

– Убила ты, Катюшка, институтского победителя женских сердец, ну и правильно! Пусть председатель клуба помучается, нечего их, мужиков, баловать.

Мучился «мужик-председатель» недолго. На слет Катя с Мариной, конечно, пошли, спали в большой командирской палатке, как избранные. Мишка целыми днями занимался оргвопросами, периодически прибегая к своему костру, где старательно хозяйничала Марина. Наспех глотнув чаю, Миша хватался за гитару и пел, не сводя с Кати влюбленных глаз. Ночью пошел сильный дождь, большинство палаток поплыло. У многих промокли не только вещи, но и гитары, которые буквально покачивались на воде, словно лодки. Миша, как опытный турист, прежде чем ставить палатку, окопал вокруг узкие канавки, и дождь не затекал, несмотря на бурные потоки. Кате он отдал свой спальник, а сам всю ночь просидел рядом, осторожно, чтобы не разбудить, отгоняя комаров и нежно перебирая густые пряди ее волос. Когда Марина, проснувшись раньше подруги, рассказала ей об этом, Катя взглянула вслед убегающему по делам слета Мише и задумчиво протянула:

– Пожалуй, такую заботу следует оценить...

Катя с Мишей стали встречаться. Не прошло и месяца, как Ярцев переехал к Катиной бабушке. Катя уже три года жила вдвоем с бабушкой. Родители Родиной, как это водится на дипломатических службах, уехали по контракту за границу, а дочь оставили на попечение бабушки, мамы Катиной мамы. Вообще неизвестно, кто у кого оказался на попечении, но обоим понравилось. Бабушка в дела внучки не вмешивалась, ни о чем не спрашивала, главное, чтобы Катя ночевала дома. Про Мишу бабушке сказали, что у того дома ремонт, так что несколько месяцев ему надо где-то перекантоваться, а у Кати с бабушкой как раз была лишняя комната. Катя только попросила бабушку родителям ничего не говорить:

– Ты-то у меня своя, а что там за границей предки себе вообразят, неизвестно. Пусть не волнуются, а работают как следует.

Мише бабушка даже обрадовалась: парень ручастый – все в руках горит, все может починить, а то слесарей из ЖЭКа никогда не дозовешься.

Марина давно мечтала съехать от родителей. «Предки достали, никакой личной жизни – все контролируют, даже телефонные звонки, кто звонил, зачем», – часто жаловалась она Кате. Марине приходилось отпрашиваться даже на студенческие вечеринки, не то что на турслеты.

В ноябре Катя с таинственным видом позвала Марину в гости, объявив, что они с Мишкой решили познакомить ее с одним Мишкиным приятелем.

- Маришась, он тебе должен понравиться.
- Это вы так предполагаете, а мне он, может, не понравится... или я ему.
- А помнишь, как ты сама меня толкала на первое свидание с Мишкой? Теперь моя очередь.
- Но Мишке ты уже нравилась, а этот ваш приятель меня знать не знает, как и я его, впрочем.
- Не знает, узнает. Мы с Ярцевым решили, что вы друг другу подойдете.

Саня Дубов действительно понравился Марине, только не сразу, а к концу вечера, когда взял в руки гитару. Саня был коренаст, чернобров и черноволос, ниже ее на полголовы. У него были непропорционально длинные руки с кривыми короткими пальцами, но Марина забыла про его рост и руки, едва тот запел. Просто влюбилась в его низкий волнующий тембр. И в то, как он прекрасно владел гитарой. Голос у Сани был низкий с хрипотцой, ему очень шли песни Владимира Высоцкого, которого обожали не только студенты, его почитали и Маринины родители, инженерно-технические работники.

Саня пошел провожать Марину домой и неожиданно на прощание расцеловал ей руки, чем сразил окончательно.

- У тебя, милая, божественные пальцы – длинные, тонкие, музыкальные и... соблазнительные, не то что мои...
- Марина застенчиво рассмеялась:
- Зато ты божественно играешь на гитаре, а я вот не умею, только на фоно.
- Хочешь, я тебя научу, уверен, что у тебя сразу получится, к тому же, в отличие от меня, ты знаешь ноты.

Марине стало приятно, что кто-то в ней уверен. Она сама с сомнением относилась к себе, своим способностям и своей внешности, привычно

считая себя костлявой серой мышкой, пусть и со стройными длинными ногами, как отмечали многие знакомые. Родители вечно ее критиковали, ругали за четверки и неряшливость, за лишнюю мечтательность. Папа утверждал, что нечего задирать планку – консерватория ей все равно не светит. Мама подхватывала:

- Журавль пусть порхает в небе, синичка в руках все же надежней.

И, несмотря на блестяще оконченную музыкальную школу и рекомендации педагогов, Марина, как послушная дочь, подала документы в педагогический.

Задумчиво провожая взглядом проносящиеся подмосковные станции с занесенными скамейками и озябшими людьми, ожидающими под снегом свою электричку, Марина, погрузившись в воспоминания, забыла, где находится. Очнувшись от бодрого Мишкиного приказа:

- Перво-наперво, други мои, достаем неучтенку: избавляемся от пакетов с излишками продуктов, уничтожаем без сожаления, да, Кэт?! Нам бабушка целую сумку в поезд навертела, отпираться было бесполезно. Но вы же помните: у нас каждый грамм – на счету, на себе потом придется тащить.

Катя вынула и аккуратно разложила на столике традиционную поездную снедь: теплую картошку, завернутую в плотную бумагу, а потом еще и в полотенце, крутые яйца, соленые огурчики...

- Вот, не зря ж ты фамилию Родина носишь. – Саня одобрительно оглядел стол. – Все такое родное, аж дух захватывает!

Когда Марина развернула свою жареную с чесноком курицу, запахи переполнили вагон. Саня нетерпеливо сглотнул и, подмигнув Володе, достал из рюкзака фляжку со спиртом и маленькие металлические рюмочки. Володя сгреб их в ладонь и принялся неумело жонглировать.

- Ну, Саня, от тебя такого пижонства не ждал. – Мишка презрительно покосился на рюмочки.
- Пижон, говоришь... ладно...

Саня, ухмыльнувшись, забрал у Володи рюмки и передал фляжку Мишке. В этот момент к столику подошла немолодая проводница с подносом. В граненых стаканах с подстаканниками дымился темно-коричневый чай. Проводница заметила фляжку, покачала головой, погрозила пальцем, затем кокетливо улыбнулась Мише и, уходя, на весь вагон стала декламировать:

За месяц до похода председатель турклуба озвучил свой план: они маленькой группой присоединятся к «плановым туристам», которых поведет Мишкин приятель Костя. Костя с недавних пор работал инструктором на северных маршрутах, на которые в туристических бюро продавались профсоюзные путевки. Услышав, что Мишка собирается на Север, Костя сам предложил присоединиться к нему, чтобы приятель набрался опыта зимних походов.

– Кто чай брать буууудет, тому ничего не бууууудет, выпьем чайку, позабудем тоскуу, за чаем не скучаааем, по семь чашек выпивааем...

Ребята фыркнули. В еще дымящийся чай Володя по знаку Миши кинул белые кубики рафинада, позвенел в каждом стакане ложкой, потом плеснул по несколько капель спирта из фляжки, потом встал Миша, поднял свой стакан и произнес тост:

– Этим походным грогом предлагаю нашей честной компании отметить начало северной кампании, тыфу ты, проводница заразила. Запомните то приятное тепло, которое сейчас разольется по внутренностям. Мы непременно вспомним о нем в суровые холодные дни, что предстоят на нашем пути, вспомним, мысленно согреемся и пойдем дальше преодолевать трудности...

– Хорошо излагаешь, братан! – Володя хлопнул Мишку по плечу так, что тот от неожиданности присел, едва не расплескав содержимое стакана.

Быстро сделав большой глоток, старший Ярцев дал брату подзатыльник и снова выдвинул стакан, чтобы со всеми чокнуться. Чокнулись, выпили. Ярославль проехали, впереди – четыре пятых пути.

За месяц до похода председатель турклуба озвучил свой план: они маленькой группой присоединятся к «плановым туристам», которых поведет Мишкин приятель Костя. Костя с недавних пор работал инструктором на северных маршрутах, на которые в туристических бюро продавались профсоюзные путевки. Услышав, что Мишка собирается на Север, Костя сам предложил присоединиться к нему, чтобы приятель набрался опыта зимних походов:

– Я на каникулах поведу туристов по заповедникам Архангельской области. Только наш маршрут начнется в человеческие новогодние каникулы, а не в ваши студенческие в конце января, так что придется твоим ребятам сессию сдать досрочно. Я вас присоединю на халяву. На халяву – в смысле жилья, а экипировку и продукты – уж сами как-то. Мало ли, как оно сложится: людей, купивших путевки, я пока не знаю. Всякие могут попасться.

Миша в лыжные походы никогда не ходил, соответственно, группы тоже не водил и понимал, что к ночевкам в палатках на снегу никто из его ребят пока не готов, у них и снаряжения такого нет. Спальники и палатки в турклубе были самодельными, сшитыми из парашютного шелка, коврики – из простеганных той же тканью кусочков пенопласта. Турпутевочников по определенным маршрутам водили специально обученные люди. На обустроенных стоянках привалочного лагеря плановых туристов во главе с инструктором ожидали охотничьи домики, горящий костер с дымящимся супом в большом котелке и кастрюля горячего компота. В конце похода каждому участнику пройденного маршрута торжественно вручали значок «Турист СССР».

– Я в такой поход ходил в детстве по горному Крыму с дядей Игорем, – хмыкнул Саня, – умора, конечно. Эти фиговы «туристы СССР» не знали, как костер развести, с какой стороны к палатке подойти, и ныли при малейшей непогоде. Дядя Игорь заколебался за всех все делать, зато значки все радостно прикрепили на грудь.

– А зачем нам к плановым туристам? – удивился Володя. – Чтоб значок получить?

– Да на кой он нам, разве что на бабушкин ковер повесить, – хмыкнул Саня.

Марина с Катей, переглянувшись, прыснули: у Катиной бабушки как раз таки был настенный коврик с оленями, он весь был увешан значками, медалями и фотографиями на булавочках.

– Значок нам, конечно, ни к чему, – досадливо перебил развеселившуюся команду Мишка, – но дело в том, что зимы в Архангельской области суровые, в палатках не больно-то поспишь, без теплых стоянок не обойтись, а про них знают только местные охотники и сертифицированные инструкторы по туризму.

Марине и Кате Миша поручил составить раскладку, выдав им потрепанный туристический справочник. В справочнике были приведены нормы калорий на человека в день, список необходимых вещей и допустимый вес рюкзака в зависимости от категории похода. Мишка оценил предстоящий поход на двоичку, то есть присвоил ему вторую категорию сложности, что означало «легкий». Непонятно, с чего он так решил.

– Нас что, будут сопровождать от стоянки до стоянки? Какая-то детсадовская прогулка получается, – поморщился Саня.

– А я прочла, что в Архангельской области морозы достигают сорока градусов. – Катя с тревогой взглянула на Мишу.

– Тебе-то уж точно не придется по ночам мерзнуть, – рассмеялся Саня и так многозначительно посмотрел на Марину, что ей стало жарко.

Марина вообще слабо представляла себе зимний поход, точнее, никак не представляла. Холодов она с детства не любила. Всегда было обидно, что при минус двадцать четыре в школу надо тащиться, хотя все щиплет и колется, не спасают ни шубы, ни варежки, и только при минус двадцать пять московским школьникам разрешали оставаться дома. На уроках физкультуры она довольно прилично бегала лыжный кросс на три и пять километров, но радости от этого никакой не испытывала: одни неудобства. Сначала тащись из дома с лыжами и палками в школу, потом обратно. Снаряжение норовит по дороге рассыпаться, в тонких лыжных ботинках ноги мерзнут, а в толстой тяжелой куртке спине, наоборот, жарко. После такой физкультуры еще и в сон клонит, какие уж потом уроки. Родители, помешанные, как многие телезрители, на чемпионатах по фигурному

катанию, болеющие за наших фигуристов, плачущие вместе с Ириной Родниной при звуках гимна в честь победы советских спортсменов, мечтали отдать дочку в секцию. Марина походила ровно месяц и взмолилась: «Мама, папа, пожалуйста, заберите меня с коньков! У меня ноги болят от ушибов и мерзнут от льда...» Родительская любовь перевесила честолюбие: дочь больше не мучили.

«Лыжный поход на Север – это вам не сидение с песнями на слетах у костра, – размышляла Марина, – но что не сделаешь ради любви?» Тем временем Саня запел суровые мужские песни о жизни без ласки, и все тревоги улетучились. Маринино сердце возликовало. Как здорово, какое счастье, что они вместе. Все с энтузиазмом подпевали, лишь Володя постоянно убежал в тамбур покурить. «Ему бы девушку, не грустил бы так...» – жалела мальчишку Марина. Володя был, пожалуй, симпатичнее Мишки, только чересчур худющий. А так все при нем – и рост, и густые вьющиеся волосы, и красивые, еще по-детски припухлые губы.

Возле ребят собрались другие пассажиры: кто просто послушать, кто тоже подпеть. Нанесли в качестве благодарности выпивки и закуски, наговорили кучу добрых слов. Компания бодрствовала всю ночь, принимая почести и благодарности, чувствуя себя почти звездами эстрады. Пару раз, переглянувшись, Саня с Мариной выбегали целоваться в тамбур. Целовались горячо, лихорадочно лаская друг друга до дрожи. Марину, конечно, смущали проходящие мимо люди. Она замирала, склонив голову, прятала лицо в распахнутой мужской рубашке. Саня сжимал Марину за талию так, что его пальцы почти смыкались в кольцо. Оба были полны сладких ожиданий.

Выгружалась Мишкина группа на конечной станции в приподнятом настроении.

От Архангельска до турбазы добирались на автобусе. Было совсем не холодно: градусов десять мороза, солнце, пушистый белый снег, не то что черная московская слякоть. Плановые туристы количеством пятнадцать человек встретили ребят настороженно. Мишкин приятель, инструктор Костя – курносый улыбчивый белобрысый парень – был этим немало смущен. Оправдывался перед Мишкой, что группа на этот раз подобралась совсем не молодежная, не походная...

– Ума не приложу, как я выйду с ними на маршрут, ты только глянь: теткам – за сорок, а мужиков – всего трое, кто рюкзаки потащит?

Я с ними сдурею! Однако деваться некуда: люди-то за путевки уже заплатили.

В первый день для Костиных туристов была запланирована экскурсия в музей деревянного зодчества под открытым небом. Ребята присоединились. Диковинные резные избы, колодезные журавли – туристы восхищенно щелкали фотоаппаратами. В Мишкиной компании фотоаппаратов не было – лишний вес. Саню потрясло искусство звонаря. Тот такой колокольный перезвон устроил, что эхо сначала раскатывалось далеко-далеко, потом возвращалось, и становилось непонятно, сам колокол звонит или ему эхо помогает. Саня пошел знакомиться со звонарем, выпытывать, где обучают этому удивительному искусству. Потом вернулся:

- Ребята, представляете, на звонаря надо учиться целых восемь лет!
- Дольше, чем на педагога и инженера, – обалдело присвистнул Володя, которому пять лет в институте представлялись вечностью.

Ребята от души поблагодарили звонаря. Тот в ответ поклонился до земли, улыбнулся и неторопливо двинулся к выходу. Сане ужасно хотелось с ним остаться и подольше пообщаться, но пришлось плестись на турбазу за Костиной группой. Вечером Миша с Саней устроили концерт, пригласив всех желающих, пели самые популярные песни. Пришло человек семь, включая Костю, остальные равнодушно разошлись спать (вставать-то рано).

Катя, Володя, Саня и Марина мирно посапывали, а Миша с Костей все еще сидели, склонившись над картой Архангельской области.

Мишка растолкал ребят, когда еще было темно.

- Подъем, на выход!
- Марина протерла глаза:
- Чего это? Ночь же на дворе!
- Зима, однако, не май месяц, светает поздно. Уже семь часов, собирайтесь, мы встаем на маршрут.
- А группа почему не встает? – закапризничала Катя. Очень не хотелось вылезать из теплого спальника. – А ты... что, Миш, совсем, что ли, не ложишься?
- Да нет, прикорнул немного. Не хотелось проспать: первый день, каким он будет, так и весь поход пройдет, примета верная.

Саня деловито уточнил:

- Мы одни уходим? Без группы? Облом?
- Да, так вышло. Мы не сможем идти с ними одним маршрутом. Они большинством голосов против присоединения. Костя не смог на них повли-

ять. В группе оказалось слишком много занудливых теток, которые своих трех никчемных мужичков к нашим красавицам приревновали.

Катя с Мариной, разочаровано переглядывающиеся, на последних Мишкиных словах прыснули, встрепенулись и живо вылезли из спальников, деловито начав укладывать вещи в рюкзаки.

Володя собрал и вынес на улицу все лыжи. Снег под ногами поскрипывал, но мороз не страшил, тела еще были разморены теплом.

За завтраком Мишка вводил ребят в курс дела:

- Сегодня предстоит пройти двадцать пять километров до первой стоянки – избушки лесника. Ночевать будем там. Костя отметил для нас на карте четыре такие стоянки. Это – займки, там – запас дров и продуктов. Если точно уложимся в график, можно будет устроить пару дней, где понравится, чтоб отдохнуть и просто погулять без лыж. Обратное вернемся сюда же через неделю, переночуем на турбазе, и с утра – на поезд в Москву. Вопросы есть?
- Миш, а с группой мы где-нибудь пересечемся?
- Нет, они пойдут проторенными дорогами к туристическим базам, а мы – охотничьими тропами к избушкам лесников.
- Здорово! – Володька подпрыгнул. – Отпад! Об этом только мечтать можно было, спасибо тебе, Миха!

Он хлопнул Мишку по плечу так, что тот от неожиданности пролил горячий чай себе на колено.

- Блин, опять?! Вот же лось молодой! Силы экономь! Они тебе понадобятся. Идти далеко, а к вечеру, однако, мороз обещают!

Марина обеспокоенно оглянулась на Катю и спросила Мишку:

- А в этих лесных избах... кто-нибудь... живет?
- Нет, их специально строили лесники и охотники, чтоб было где переночевать: расстояния большие, здесь все на лыжах ходят или лошадей используют, ведь на машине не проехать, а согреться – то каждому путнику нужно.
- А вдруг изба запертой окажется, а у нас даже палаток нет, – пробурчала Катя так тихо, что никто ее не услышал.

Мишка заставил девочек обернуть ноги газетами, как портянками, а лыжные ботинки сверху – целлофановыми пакетами, чтоб лишним слоем тепло сберечь, да и ботинки так меньше намокнут. Он хорошо понимал, что в дерматиновых ботиночках долго не походишь, а мороз предстоял нешуточный. Не зря эти ботинки в народе прозвали дерматинowymi.

Миша с компасом шел первым, за ним бодро вышагивал Володя, потом Катя, Марина. Замыкал пятерку Саня. Нельзя сказать, что лыжи скользили. Первому лыжнику приходилось тропить, то есть пробивать снежную целину широкими шагами, погружаясь в сугробы. Второй утаптывал, к пятому, шагающему след в след, путь становился слегка похожим на лыжню. Но снег шел не переставая, и вскоре лыжня за маленьким отрядом пропадала из виду. Сугробы иногда доходили до пояса. Тут, главное дело, не сойти с дороги, иначе с головой увязнешь в роскошных северных перинах.

Часа через два небесная ткань, не выдержав тяжелых снежных облаков, разорвалась посередине, из большой дыры выглянуло солнце, заискрилось пушистое архангельское снежное одеяло, засверкали новогодней мишурой елочные ветки. Ребята приободрились. Володя достал из кармана припасенные с утреннего чая конфеты и угостил девочек. Катя с Мариной не могли налюбоваться друг на друга и на мальчишек, жалея, что под рукой нет фотоаппарата: от теплого дыхания на морозе ресницы, брови и меховая оторочка капюшонов покрылись инеем и выглядели сказочно красиво.

Саня распаковал рюкзак и вытащил пакет с сушками, предложив набить ими карманы на случай перекуса. Миша был суров:

– Мы прошли всего семь километров. Чтоб до ночи успеть к нашей первой стоянке, надо двигаться энергичнее! Предлагаю привалов не делать, а выдать каждому сухой паек и устраивать собственные перекусы, по мере надобности.

Саня хотел заметить Мишке, что именно для этого достал пакет с сушками, но промолчал. Марина передала каждому заранее приготовленные бутерброды и пакетики с сухофруктами.

– И чая что, не будет? – капризно выпятила губу Катя.

– После чая, однако, в туалет захочется, а представь себе, где и как мы это будем делать, – проворчала Марина, – все отморозим на фиг.. Саша, услышав последние слова, фыркнул:

– На пути теплых сортиров не предвидится, так что, девушки, не стесняйтесь, далеко не отходите, а то, кроме холода, еще и страху натерпите, говорят, волки тут бродят.

– А кто волков боится, тому в туалет всю неделю, что ли, не ходить?! – сердито буркнула Катя. Володя встрепенулся:

– Хоть бы одного волка на воле увидеть! Эх, ружье не взяли...

Миша промолчал. Он-то точно знал со слов Кости – тот его вчера предупреждал, что по лесу бродит дикое зверье. Днем, конечно, бояться нечего, а вот как стемнеет, неизвестно, откуда, кого и чего ждать.

Солнце радовало недолго. Когда оно скрылось за верхушками елей, заметно похолодало. Мороз стал крепчать, обжигая лица. До ночевки осталось еще километров пятнадцать, а уже стемнело. Миша почувствовал, что плохо стал ориентироваться, и ужаснулся: «Вот идиот, что взял на себя такую ответственность – руководить лыжным походом. Понадеялся, дурак, на Костю, думал обойтись чужим опытом, эх, да что теперь...»

Неожиданно сбоку послышалось громкое фырканье. Из-за густых елей, пересекая только что проложенную ребятами лыжню, выкатились сани, запряженные белой лошадей. На санях сидел улыбающийся в белые усы бородатый мужик, одной рукой держал вожжи, другой обнимал самовар. Ребята открыли рты. В Деда Мороза они давно не верили, но что за чудо такое? Уставшие лыжники так обрадовались удивительной встрече в темном лесу, что, свернув с дороги, проваливаясь чуть ли не по плечи, наперегонки кинулись обнимать теплую, укутанную паром лошадиную морду. Катя тут же скормила ей свой бутерброд, слипшийся в кармане куртки. Лошадь бархатными губами благодарно приняла хлеб, аккуратно сжевала, а колбасу оставила на Катиной ладони.

Перекурив с парнями, мужик кивнул Кате и Марине:

– Залезайте, девчата, – потом весело чмокнул лошади, – но-о-о, пошла, милаааяяя!

Счастливые девчонки болтали ногами, сидя на телеге со сваленными в кучу рюкзаками, и подзадоривали мальчишек, с трудом поспевающих за ними на лыжах.

– А как вас зовут? Вы – наш ангел-спаситель. – Марине хотелось пообщаться, но мужик в волчьей ушанке, нахлобученной по самые брови, ее не слышал.

Тогда она, поджав под себя ноги, натянув поглубже шерстяную вязаную шапку, скрестила в варежках окоченевшие пальцы и нахохлилась. Идти на лыжах все ж как-то было теплее...

Когда наконец все отогрелись и расселись вокруг грубо сколоченного, показавшегося таким уютным стола, Егорыч (так звали мужика) объяснил, что это Костя попросил догнать ребят и до-

везти до места, потому что первый день – самый трудный. Костю тут хорошо знали и уважали.

– Самовар тоже Костя передал, но я его завтра заберу, тут всякий народ бывает, а самовар – то казенный, однако...

Ребята неторопливо пили по третьей чашке чая, дивясь охотничьим рассказам Егорыча. Миша не забывал подливать спасителю дефицитной московской водки, ограничивая в возлияниях своего не в меру шустрого меньшого братца. Володя не спорил и вскоре захрапел, едва не свалившись с лавки. Осоловев от еды и усталости, девочки тоже задремали под разговор. На рассвете Егорыч обрадовал Мишку и Саню известием, что, по его приметам, сегодня день будет солнечный, и тронулся по своим делам, оставив теплую компанию досыпать в избе. Прикрыв за Егорычем дверь, Мишка с Саней прикорнули прямо на полу возле лавки.

Утро встретило ребят плотными серо-голубыми облаками. Нос не щипало, как вчера, но на глазах все равно застыла ледяная слеза, и руки мерзли, несмотря на теплые двойные варежки.

Марина бодро натянула истертые пакеты на ботинки и встала на лыжи. Подошел Саня, помог застегнуть крепления:

– Ну что, малыш? Замерз?

– Пока не успела, но... сколько сегодня выдержу, не знаю...

Саня приобнял ее за плечи, прижался щекой к щеке и чмокнул в покрасневший от ветра нос:

– Все будет хорошо!

Марина ответила поцелуем в губы.

Миша, выйдя на крыльцо, сделал замечание:

– Отставить телячьи нежности! Саня, сегодня ты идешь первым, будешь тропить!

Марина хотела возразить по поводу нежностей, но промолчала, не стала Катю в краску вгонять. Просто она невольно слышала, как под самое утро на полу громко возились, тяжело дышали и в унисон двигались Миша с Катей, укрывшись одним спальником.

Миша на этот раз шел замыкающим, обдумывая предстоящий день. Необходимо пройти двадцать километров и самим отыскать в лесу следующую избушку. Вряд ли Егорыч на этот раз выручит, правда, темп они пока взяли отличный, как-нибудь дойдем, все равно возвращаться нельзя...

Не успел он так подумать, как услышал вскрик и увидел Марину, свалившуюся с тропы.

– Что случилось? Ты что, упала?!

Володя, следующий по лыжне за девушкой, объяснил:

– Она на куст засмотрелась и ногу поставила мимо лыжни, а там провал оказался...

Миша присвистнул: загнутый нос лыжи, видно, при падении отломился и валялся в стороне. Саня поднял отломанный кусок лыжи и положил в наружный карман своего рюкзака:

– Попробую на привале что-нибудь придумать.

Миша жестко объявил, что привала не будет, иначе не успеть до темноты. Куда девалась вся его прежняя веселость? Второй день он был мрачней самой черной тучи. Все молча выстроились друг за другом и тронулись вперед за Саней.

Марина шла и кляла себя за авантюризм: как она могла решиться на этот поход?! Ей, теплолюбивой маминой дочке, которой и в Москве – то шесть месяцев из двенадцати в году холодно! Дома в такой мороз она в институт бы не поехала, да что там – из дому даже б не вышла. Марина глотала слезы не столько от боли в ноге, сколько от злости на себя. «Дура! Валялась бы сейчас на мягком диване, укрывшись теплым пледом, читала бы хорошую книжку или смотрела телевизор, неважно. Пусть бы ворчали родители, что целый день дурака валяю, зато мне было бы тепло и уютно, а теперь холод и вьюга обжигают лицо, и нога болит, и жаловаться можно только себе на себя!»

Падая, она ушибла правое бедро, от холода и ветра немели пальцы, все мысли перекрывало желание немедленно скинуть ненавистные лыжи и вернуться домой. С другой стороны, здесь с ней рядом – Саня. Встречаться в Москве для близких отношений им было негде. Марина очень надеялась на этот поход, но пока не представляла как. Вокруг всегда кто-то был. То, как занимались сексом прошлой ночью Катя с Мишей, не очень привлекало Марину, зато вчера, когда все слушали Егорыча, Саня гладил под столом Марины колени, отчего у нее в животе все сжималось и хотелось большего.

Ребята пошли медленней, потому что Марина стала сильно отставать. Сломанная лыжа неприятно зарывалась в снег на каждом шагу. Миша тревожно поглядывал на своих товарищей и не находил нужных слов, чтобы их ободрить. Впереди – примерно две трети пути. Очень хотелось вернуться в уже знакомую избу, прокантоваться там несколько дней и спокойно вернуться на базу, но как признаться в этом постыдном желании ре-

бяткам? Нет-нет, надо решительно идти вперед. Поход так поход, потом будет что вспомнить.

– Что вы, черти, приуныли?! Саня, двигай! Вовка, жми! Девчонки – молодчинки! Половину пути мы точно уже одолели! – Миша попытался приободрить друзей и себя заодно, но на душе было беспокойно.

Группа медленно передвигалась цепочкой. Было бы теплее, шли бы с песнями, но рты плотно замотаны шарфами, чтобы холодный воздух попадал лишь через нос, не выстуживая горло и легкие, так что и говорить не сильно хотелось. «Что там Егорыч говорил про солнечный день?» – вспомнил Миша и взглянул на небо. Впереди на сером небе появился просвет, словно из-за разъезжающегося серого занавеса солнце вот-вот должно было выглянуть на сцену.

Саня с любопытством вглядывался в нежно-голубую снежную скатерть, расстилающуюся перед ним. Ему было так интересно читать следы дикой природы, как учил его дед, что он забыл о своей миссии. Следов вокруг было достаточно, чтобы понять: здесь бродит тьма непуганой дичи. Вот тут недавно петлял по снегу заяц, за ним кралась лиса, а за нею волк. Вон там куропатка или тетерев вспорхнули из-под сугроба, почуввав опасность, и оставили на снегу отпечатки крыльев. Сане все пока нравилось, разве что... поменьше бы Мишке изображать главного, ведь в лыжном походе он тоже впервые, а так... у самого Сани походного опыта, может, и побольше будет. Увлечшись следами и озираясь по сторонам, Саня забыл про компас.

Катя давно устала и замерзла, мечтала прилечь, ну... хотя бы присесть, но страх до темноты не добраться до теплой избушки держал ее на ногах. Несчастная Марина из последних сил прихрамывала позади. У нее наконец забрали рюкзак, идти стало намного легче, но быстрее все равно не получалось. Володя тащил оба рюкзака – свой и Маринин. В роли человека-бутерброда ему хотя бы было не холодно, поэтому он стоически влачил свое тощее тело между тяжелыми рюкзаками. Прошло еще два утомительных часа.

Золотое солнце порыжело, сделалось медным, затем, стыдливо покраснев, спряталось за изумрудным еловым частоколом. Слегка порозовевший в минуты заката снег обратился в серебро. Сумеречной синей стеной сомкнулся лес. На потемневшем небосводе воцарилась мертвенно бледная луна.

«Странно, – тревожно подумала Марина, – под ногами сверкает ослепительно-белый снег, а во-

круг такая темень, что мерещатся всякие ужасы, и непонятные тени мелькают за деревьями, и чьи-то глаза желто светят из кустов...»

Внезапно Катя попросила ребят остановиться: где-то недалеко слышался протяжный вой. Всем стало не по себе.

– Это волки, – коротко бросил Володя.

Марину бросило в жар, а Катю, наоборот, зазнобило. Миша хмуро окинул взглядом окрестности:

– Саня, дай-ка мне карту...

– Мишенька, нам далеко еще? – Катю лицо было белее снега, зубы стучали от холода и страха.

Саня оглянулся на мрачного Мишку, передал ему карту и компас, затем, решительно скинув лыжи, собрался лезть на рядом стоящее дерево, но немедленно провалился по пояс. Володя скинул рюкзаки, подставил Сане спину, терпеливо подождал, когда тот уцепится за ствол. Все молча ждали, пока Саня лез на дерево, перехватывая ветки. Может, сообщит что-нибудь обнадеживающее. Минут десять Саня, напряженно вглядываясь, крутил головой по сторонам. Только собрался перебраться еще выше, как обледеневшие ветки под ним затрещали. Не хватало еще упасть и добавить ребятам проблем. Он в отчаянии крепко обхватил холодный ствол и начал спускаться. Вдруг слева ему почудился огонек.

– Вижу свет!

Цепляясь за сучья онемевшими пальцами, Саня всматривался до рези в глазах, пока не определил и не запомнил направление, откуда исходит свет.

Миша не следил за Саней. Он светил фонариком на карту, с горечью сознавая, что они отклонились от намеченного маршрута: «Вот я болван, никому нельзя доверять! Взялся командовать, так веди людей сам до конца и отвечай за все!» По карте выходило, что они сейчас неподалеку от Черного озера, на берегу которого когда-то располагался мужской монастырь. Костя упоминал Мише о развалинах, отметив, что там до сих пор живет одинокий чудаковатый старик-отшельник:

– Ему, наверное, лет сто. Раз в месяц младший брат, которому тоже далеко за восемьдесят, на санях привозит продукты, чтоб тот не помер. Переехать в город старик наотрез отказывается, могилку себе давно приготовил на берегу, но помирать вроде пока тоже не собирается. Местная достопримечательность.

Миша принял решение сойти с маршрута. Никакой уверенности, что ночью они без опаски смогут

добраться до избушки охотника, у него не было, а у монаха хотя бы можно попроситься на ночлег.

– Заглянем сегодня в гости к одному интересному персонажу. Костик сказал, что хозяин ветхой избушки возле монастыря – дико колоритный, похож на артиста Георгия Милляра, ну помните, который в детских фильмах Кошея и Бабу-ягу играл. Костя даже жалел, что мы к нему не попадем, так как монастырь в стороне от намеченного маршрута, но нам повезло: спасибо Сане...

Саня незаметно сплюнул себе под ноги и стиснул зубы.

– Мы в монастырь? Прямо сейчас? А нас туда пустят? – Катя не знала, можно уже радоваться или пока рано. Оглянулась на Марину.

Та устало махнула рукой – не было сил на эмоции, но ответила:

– Наверное.

– Вот здорово, прикоснемся к самой истории! – восторженно воскликнул Володя. Он шлепнул себя варежкой в грудь и ободряюще подмигнул девушкам.

– Главное, ни в какую историю не вляпаться, – шепнула Катя Марине.

– Все же ночевать лучше в монастыре, чем в лесу, – ответила Марина.

Обнадеженные скорым привалом, ребята энергично двинулись за Саней. Минут через сорок они увидели небольшой древний сруб из толстых почерневших бревен. Из подслеповатого окошка исходил тот самый колеблющийся желтоватый свет, случайно замеченный Саней. Перед входом в избу ребята сняли лыжи, нащупали ступеньку под нетронутым сугробом, подошли к низкой двери.

Над дверью висел небольшой колокол. Мишка потянул колокол за язык, раздался звон. Никто не отозвался. В тускло светящемся окошке ничего нельзя было разглядеть. Саня громко постучал в дверь кулаком и прислонил ухо. За дверью после длинной паузы послышались шаркающие шаги и кряхтенье. Дверь с протяжным скрипом открыл белобородый дед в черной маленькой шапочке. Он опирался на толстую кривую палку с загнутой ручкой.

– Данненькаа гости не хаживали, – прохрипел он голосом артиста Милляра и воздел к низкому потолку свои сухие узловатые руки. – Заходите, дето-очки, многооо-та вас. Тамма – сени, тама и скидавайте гамаша-та. Откуда ж занесло таких, однакаа... свеженьких. Ну-т-ка ласполагайтесь тута, толька... попочевать-та

мне гостей нечем, снеди малехонько, самому мало, один я тут года калатаю...

– Ну что вы, бабушка, ничего нам не надо, сами вас угостим. – Марина была счастлива долгожданным теплом.

Ее не смутил ни кислый тошнотворный запах, ни непроглядный сумрак избы. Старая керосиновая лампа, стоящая на темном засаленном подоконнике, скупо только его и освещала. У древнего слюдяного окошка притулилась высокая лавка. В центре избы едва виднелась громадная грязно-серая печь, в которой еще теплились угли. Больше ничего не разглядеть.

Ребята подтащили рюкзаки из сеней ближе к окошку, девочки достали продукты. Готовить горячую еду в темноте было несподручно, к тому же все так устали, что даже чай решили не кипятить, обошлись бутербродами и водкой.

Дед, оживившись при виде запотевшей бутылки, суетливо подставил грязную алюминиевую кружку, сделал два жадных глотка и тут же снова ее протянул:

– Скуснааа, плесни-ка ишшо...

Почмокал, пожевал губами, назвался Афанасием, поинтересовался, как кого зовут и «откуда ж» занесло. Говорил Афанасий без умолку, соскучился, видать, по человеческой речи. Разобрать его слова было трудно: дед хрипел, окал, акал, цокал, тянул гласные, не выговаривал букву «р», шепелявил беззубым ртом:

– Миха, вот табеее скокааа годков минулааа?

– Да уж третий десяток пошел, – улынулся Миша.

– Сладка девуля-то?! – показал дед на Катю.

Миша кивнул. Дед ощерился:

– Холошаааа! Пусть пойдет ко мне, дам кой-че...

Миша подмигнул Кате, она нерешительно сделала шаг вперед.

– Поди-поди сюды, девуля, иш спужалась, смотли-т-ка, че...

Дед показал корявым указательным пальцем за печь:

– Тама еще осталось, я даеча калтоху пек, так тепла поди ишшо, сладка, как ты...

Ребята с аппетитом поужинали печеной картошкой, которая действительно была дурманяще сладкой.

– Тапеличааа спать. Места вона тама, на полатях, а ты, малец, – поманил он пальцем Володю, – ложисяя подле моей печи на сундуке.

Володя послушно присел на низкий широкий сундук, затем прилег, подогнув под себя ноги, и уже через минуту раздался богатырский храп.

– Плитомился малец, – хмыкнул дед, указав остальным на две широкие полки в углублении стены, вбитые друг над другом и заваленные непонятным хламом, полез на печь. – Уплавить, поди, сами-таа.

Саня вышел на улицу покурить. Пока Марина наводила порядок на подоконнике, Миша с Катей освобождали указанные дедом полки от пыльных мешков.

Катя с Мишей расположились на нижней полке. Марина забралась наверх и с трепетом ждала, когда вернется Саня, а то с него станется, он может и на полу лечь, чтобы никого не потревожить. Ей же очень хотелось в эту ночь чувствовать щекой его горячую руку, и чтобы другой рукой он крепко прижимал ее к себе. Большого интима в такой обстановке она и не желала: «Ведь три дня не мылись, сегодня даже зубы не чистили – целоваться и то стыдно, а Саня любит целовать каждый сантиметр ее тела, ничего не пропуская...»

Марина была крайне стеснительной, отсутствие гигиены отбивало у нее всякое желание. Саня стал первым в ее жизни мужчиной, с которым она решилась на действительно близкие отношения, хотя со многими парнями до встречи с ним уже целовалась, и каждый ухажер претендовал на полное сближение. Марина страшилась. Ей казалось, что тогда сразу кончится безответственное детство и начнется лишенная романтики, полная обыденных забот взрослая жизнь. Взрослеть Марине совсем не хотелось. Родители, их друзья, учителя – все, кого она знала, не внушали ей желания вступать в их скучные ряды. Единственный плюс взрослой жизни – в школу не надо ходить и уроки делать.

С мамой у Марины никогда не было доверительных отношений. Занудные нравоучения матери не вдохновляли: «У всех парней одно на уме – затащить девочку в постель, так что держи себя в руках, никому не доверяй свое сокровище, жди того единственного, кому ты это позволишь...» На этом откровения заканчивались. А что за тайное «сокровище» и почему его надо беречь? Что значит – затащить в постель? Что можно позволить, а что нет? Интимные подробности Марина узнавала из книг и фильмов, но главным образом от подруг, откровенно делившихся собственным опытом и опытом старших сестер.

В Марининой школе училась разбитная Верка Копылова, про которую сплетничали, что она це-

луется и обжимается с мальчишками по подъездам еще с пятого класса. Всем девчонкам было жутко интересно и завидно: мальчишки ходили за Веркой толпами, липли, как мухи на мед, а на других девочек внимания не обращали, разве что за косы дергали и просили дать списать домашнее задание. В конце восьмого класса Верка из школы ушла. Ходили слухи, что забеременела. Девчачья зависть вмиг улетучилась. Беременность и роды приравнивались к ранению и смерти: детство убито, свобода прикончена.

С закадычной подругой Ленкой Марина по дороге из школы домой подводила итоги дня. Был такой киножурнал, который показывали в кинотеатрах перед началом фильма, – «Новости дня». Девчонки примерно в этом же стиле обсуждали новости: кто из мальчишек на кого сегодня и сколько раз посмотрел, кто из девочек кому строил глазки, отмечали явные для них и незаметные окружающим тайные знаки внимания. В восьмом классе обе подруги до смерти влюбились в Андрея Шулова. У него были желтые, как у льва, глаза, черные ресницы и широкие каштановые брови, прикрытые густой каштановой челкой. Красивей парня в школе не было. Подруги возмущались, что с Шуловым кокетничают даже десятиклассницы. Женская половина их 8 «Б», разумеется, тоже сохла по Шулову, правда, некоторые еще были влюблены в Митю Красина из 8 «А», самого умного восьмиклассника в районе. Он выступал за честь школы на районных олимпиадах по многим предметам и везде выигрывал. В отличие от Шулова, Красин не обладал красивой внешностью и спортивной фигурой, не мог сделать «солнце» на перекладине или молнией взлететь под потолок по канату, но физрук Красина не мучил (тот по указанию директрисы школы был фигурой неприкосновенной) и ставил отличнику автоматом четверки. Красин был красноречив, читал запоем и хорошо знал литературу, даже вел литературный кружок. В Митю Красина Марина тоже была тайно влюблена, но признаться Ленке не решалась, это было немного похоже на предательство. И вообще, как можно любить сразу обоих? Это стыдно как-то, но так уж Маринка была устроена: когда никто не нравится, ходить в школу неинтересно. Еще она параллельно думала о десятикласснике Сергее Воронцове, а во сне часто видела Славку Федорова из 8 «А»: ей казалось, он смотрит на нее каким-то особенным раздевающим взглядом, от которого становилось не по себе, хотя и лестно. Обсудив как-то Славку с Леной, Марина поняла,

что Славка – классический бабник: этим «особенным» взглядом он провожает каждую девчонку, и каждая думает, что только ее. Все-таки Андрей Шулов Марине нравился больше других. Она часто представляла себя в его объятиях, фантазировала, как они целуются в темном углу школьной раздевалки. Однажды предложила подруге порезать указательные пальцы и кровью написать любовную записку, которую они с Ленкой должны будут подбросить Шулову, чтобы тот разрешил их мучения – определил свой выбор.

- Вообще-то, в таких случаях режут не палец, а вены, – задумчиво сказала Лена, – от неразделенной любви в книжках несчастные влюбленные всегда режут вены.
- Во-первых, мы не знаем еще, какая нам выпала любовь, может, и разделенная. Пока от Андрея не придет ответ, мы будем надеяться. Во-вторых, кровь из вены трудно остановить, можно умереть в расцвете лет, не дождавшись приезда скорой.

У Марины дядя работал врачом на скорой помощи, так что она знала, о чем говорит. Шулов на их записку даже не ответил. Подружки сочли его задавакой и воображалой, восьмой класс закончился неинтересно. Вообще, про школу Марине вспоминать не хотелось.

Повсюду, где приходилось бывать: в домах отдыха с родителями, на турбазах с подругами, на южных курортах, – Марина увлекалась, с первого дня выбирая объекты для романтических девичьих грез. Смазливых парней после неудачи с Шуловым избегала – слишком много на них желающих, а Марина не считала себя конкурентоспособной. Выбирала просто милых. Ей нравились темноволосяные мальчики с голубыми, а еще лучше – синими глазами, только такие почти не встречались.

Первые в своей жизни студенческие каникулы Марина провела в зимнем Пестово, на подмосковной турбазе. Вот уж где насмотрелась откровенных сцен. Парочки, не стесняясь, занимались любовью во всех уголках. Одинокие парни, не нашедшие подружек, много пили и находились в состоянии агрессивного поиска. От скуки Марина откликнулась на призыв малознакомого студента с другого факультета, который пригласил ее на танцы и сразу горячо задышал ей в ухо, крепко ухватив ниже талии и агрессивно притиснув к себе. Марина не сопротивлялась, чувствуя себя почти научным исследователем. Их бедра соприкасались, терлись друг о друга, повышая вза-

имный градус напряжения. В какой-то момент предсказуемо, помня наставления подруг, она ощутила крупную дрожь мужского горячего крепкого тела. Чертовски занимательно, что девушка может столь легко возбудить парня. Приглашение Володи зайти к нему в комнату на рюмочку чая приняла, хотя понимала, что гостеприимство чаем не ограничится.

На полу номера валялись разбросанные ботинки и кеды, на незастеленных кроватях – свитера и рубашки.

- Мужской «порядок», – хмыкнула Марина.

Невыносимый запах пота и пепельницы, полной окурков, сразу отрезвил: не очень-то романтическая обстановочка.

От чая она отказалась, тогда Володя, не мешкая, перешел к объятиям и поцелуям, потихонечку раздевая Марину и резко срывая с себя одежду. По комнате полетели оторванные пуговицы. «Вот это страсть, как в кино», – подумала Марина. Умелые поцелуи и объятия закружили девушку. Она заставила себя выключить мозг, но когда очутилась в несвежей постели, снова напряглась. Володя навалился на нее всей тяжестью голого возбужденного тела. Ощувив налитой упругий мужской орган, стремящийся протиснуться в ее «сокровище», сразу вспомнила маму, резко вернулась и вскочила с кровати.

- Ты чего? – Володя одной рукой пытался придержать ее за талию. – Ты ведь хочешь меня! Я чувствую, что хочешь!
- Нет! Нет, то есть хочу, но... не сейчас!
- Почему не сейчас? А когда же?
- Ну, в другой раз. Ты пойми, я же тебя совсем не знаю. – Марина схватила с пола свитер и принялась его натягивать.
- Ты чего, девочка, детский сад устраиваешь? Не знаешь, узнаешь. Зачем отказывать себе и мне в удовольствии? – Володя искренне расстроился. – Не понимаю, так все хорошо началось, тебе же нравилось...
- Нравилось, но этого маловато для того, чтобы просто так переспать. Пусти, я пойду!
- Ну что ты выкобениваешься, – разозлился Володя, – переспать – не повод для знакомства, ты ж не малолетка или... ты что, хочешь сказать, что ни с кем еще не спала?!

Володя попытался схватить Марину, но она вырвалась и, быстро натянув джинсы, выскочила в коридор босиком. Утром она обнаружила свои ботинки возле помойки и заплакала от обиды. Володю она больше не увидела. Из Пестово уехала

на следующий день, до конца отдыха оставалось еще три дня. Встревоженным досрочным возвращением родителям объяснила, что в доме отдыха было скучно, так что лучше она побудет дома, поваляется на диване, почитает книжки.

В конце концов усталость сморила Марину, очнувшись она лишь утром, ощутив рядом Саню. Марина долго не решалась открыть глаза, но сквозь ресницы тихонько наблюдала, как Саня внимательно рассматривает ее спящую. В дымчатом утреннем свете, пробивавшемся в крошечное оконце, Марина знала, что выглядит таинственно и, наверное, прекрасно. Саня гладил ее волосы, губами обводил лоб, спускаясь по тонкой линии носа. Не в силах больше сдерживаться, Марина вздохнула и приоткрыла рот и тотчас же ощутила вкус Санюного языка. Любимый горячо задышал ей в ямочку между ключицами, приоткрывая спальник, задирая футболку и лаская грудь. Стесняясь предстоящего шума и непрошенных свидетелей, Марина потянула спальник на себя, остановила Саню руку и отрицательно покачала головой: неудобно.

– Но почему? – не унимался Саня, прерывисто дыша.

– Не здесь, – шепнула Марина, крепко держа его руки и не давая им распускаться.

Ей было жалко распалившегося Саню, да и сама она чувствовала разливающуюся до низа живота тянущую боль цветка нерастраченного желания, но в таких условиях секс был для нее категорически неприемлем.

Утром вся честная компания дружно с прибавками готовила завтрак в русской печи. После вкуснейшей гречки с тушенкой дед Афанасий окончательно раздобрился и предложил ребятам остаться еще на одну ночь, а заодно устроить банный день.

– Баня тута сохранилась в целости, токма, сумеете ли... плотопить-та? Баня по-челному, лет двести, почитай, но тепло делжит...

– Ой, мальчики, нам так надо помыться, – взмолились девочки, – когда еще баню в походе встретишь?!

Миша дал отмашку. Все равно они на две дневки рассчитывали, вот вам и первая. Он, правда, был недоволен отклонением от маршрута и собирался найти сегодня верный путь, но разве можно отказать девушкам, которые и так натерпелись? Да, в общем, и самому не мешало бы вымыться.

Парни отправились рубить прорубь, таскать воду, растапливать баню, в общем, занялись мужским делом. Катя с Мариной приготовили обед и решили прогуляться по окрестностям. Без лыж Марина чувствовала себя куда лучше. Погода радовала ярким солнышком, щедро рассыпавшим перед ними на нетронутым снегу разноцветные драгоценности, от блеска которых приходилось зажмуриваться.

Одна проблема мучила девчонок: туалет на снегу под елками каждый раз ввергал в ужас.

– Как чувствовать себя в походе человеком, то есть женщиной, если нужно оголять попу на тридцатиградусном морозе, рискуя застудиться? Нам надо сегодня как следует попариться!

– Да, очень надо. – Марина негнушима от мороза пальцами тщетно пыталась расстегнуть пуговицу. – Помоги, пожалуйста, не слушаются руки.

– Угу, а ты мне, – с готовностью откликнулась Катя.

Девчонки вернулись в избу. Дед покряхтывал на печи.

– Расскажите, дедушка Афанасий, как вы тут один живете? Не страшно?

– А чего бояться, звели меня не тлогают: я не-скусный. – Дед хрипло кашлянул и хрюкнул. – У меня блат отсюдова неподалеку навещает, колмилец. Еще, бывает, случайные тулисты блодят, как вы, вот в заплошлом годе муж с женкой на лыжах заехали, тоже баню топили...

Прибежал Володя, насмешил показом в лицах, как ребята таскают ведрами воду со льдом, как дрова рубят, как Саня, самый деловой, велел баню проветривать.

– Представляете, мы дрова носим, подкладываем, а он, деловой такой, двери открыл и выстуживает.

– Плавило, – хмыкнул Афанасий, – челную баню выветливать надоть, а потом двель заклоетяя, все лавно тепло будет.

– Скажи ребятам, что обед, однако, готов, пусть идут, – велела Марина и съехидничала: – А кто опоздает, тот добавки не получит.

– А что, добавка сегодня будет? – обрадовался вечно голодный Володька.

Его впалые щеки слегка порозовели, волосы темными прядями выбились из-под лыжной шапочки. Захотелось тут же погладить его по голове, пожалеть и накормить от пуза.

– Тебе точно будет, как самому младшему, – пообещали девочки.

После обеда началась метель. И так в избе ничего не было видно из-за крошечного оконца, а тут и вовсе свет замело. Девчонки расстроились.

– Давайте мы быстренько помоемся, а потом вы идите и парьтесь сколько влезет. – Марина умоляюще посмотрела на Саню.

Саня с Мишкой переглянулись. Мишка добродушно огладил несуществующую бороду и распевно, басом протянул:

– Не дело, однако, баб вперед себя в баню пущать, да что уж с вами, однакооо, поделааашь, дуйте, только бегом!

Девушки радостно подхватили приготовленные полотенца и мыло и, проваливаясь на каждом шагу в наметенные сугробы, поспешили к бане, стоящей метрах в ста от дедовой избы.

Отворили дверь, подпертую поленом, и замерли, осваиваясь, пока глаза привыкнут к темноте. Из тьмы маленького задымленного предбанника выступила широкая лавка с деревянной шайкой. Кинули на нее полотенца и куртки, осмотрелись. Повсюду были разложены можжевеловые веники. На подоконнике – несколько свечей и спички.

– Вот здорово, – восхитилась Катя, – никогда не думала, что придется мыться при свечах. Мы с тобой точно в позапрошлый век попали...

– Слушай, а неважнецки они как-то проветрили: глаза слезятся. Давай скорей мыться, – встревожилась Марина.

Девушки зажгли свечи. Видно было не очень хорошо, но различить друг друга можно. Разделись, вошли в парную. Свечи почему-то тут же погасли. В парной было еще темней, но взгляд успел схватить бочку с водой, в которой плавали льдинки, деревянный ковш и печку со стоящими на полу двумя ведрами воды.

– Наверное, не очень жарко, а то почему это в бочке льдинки до сих пор плавают? Зато в ведрах вода горячая, ура! – Катя смешала в тазу горячую и холодную воду и, окунув голову, принялась ее намыливать.

Марина плохо себе представляла, как выйдет из бани на мороз с мокрой головой, и решила оставить эту затею. Пока Катя возилась с волосами, стоя на коленях перед низкой лавкой, Марина смыла с тела мыльную пену и стала поторапливать подругу.

– Давай скорее, нехорошее предчувствие у меня, подташнивает...

Катя, расслабленно пошатываясь, встала и направилась к бочке со льдом, но вдруг резко качнулась и опустила туда голову. Марина остолбенело посмотрела на подругу. Шагнула следом к бочке, встревожено потянула Катю за руку. Та захихикала и стала оседать на пол.

– Что ты делаешь! Вставай скорей, пол же грязный, а ты – чистая! Пойдем отсюда...

Но Катя, не слушая, как-то странно вся обмякла и плюхнулась с размаху на попу. Марина подхватила ее под мышки и потащила к выходу, смутно соображая, что нужно поскорее выбраться отсюда на воздух.

С трудом вытолкнув Катю за дверь, Марина почувствовала, что пол уходит из-под ног, ухватилась за притолоку и последнее, что увидела, – летящий в лоб порог предбанника...

«Как страшно и как холодно... страшно холодно... страшно темно и холодно... Воздух – черный и прозрачный, далеко внизу земля, я ничего там не вижу... нет, я вижу... звезды. Близко. Боже, какие они яркие, холодные, слепят, глазам больно... Я не вижу своего тела, рук, ног... и мне больно, больно, страшно, страшно, холодно, холодно. Кто-то кричит и стонет... кто же так страшно и протяжно кричит?! Господи, это же я кричу, это моя грудь разрывается от ледяного холода, а-а-ааа-аа-аааааааа-ааа...»

Резко мотнув головой, Марина почувствовала, как горячо и больно стало шее, и открыла глаза. Она увидела, что изо всех сил цепляется за Санино плечо:

– Не отпускай меня туда, пожалуйста, Санечка, держи крепко...

– Конечно, Мариш! Наконец-то! Слава богу, ты очнулась, ты молодец, теперь все будет хорошо, не бойся, не отпускай ни за что!

Саня крепко обнял Марину, прижал к себе. Только теперь он полностью ощутил леденящий ужас. Он вдруг осознал, как близко был край бездны, откуда не возвращаются. Марина вернулась! Все закончилось хорошо. Слава богу!

Потом ребята еще и еще раз вспоминали, заново переживая, как решили поторопить подзадержавшихся девочек, как наткнулись на распростертые на полу предбанника белеющие в темноте тела, как ужасен был тот страшный булькающий хрип, вырывающийся откуда-то из горла, и почти запавшие языки...

– Напугали вы нас крепко! Ты, Мариш, особенно. Катюха-то быстрее пришла в себя, правда, на

вопрос, какой сейчас день, почему-то ответила – «май».

– Просто у нас с Каткой в мае дни рождения, а сегодня мы заново родились...

Марина вдруг спохватилась и беспокойно провела рукой по телу – одежда на месте. Как же мальчишки умудрились их одеть, пока они были без сознания? Стыдливая волна обожгла девушку, она сжалась и обхватила плечи руками.

– Ты чего? – Саня участливо взглянул на дернущуюся Марину. – Больно? Где?

– Ничего, просто... представила, как вы нас одевали...

– А я в детстве с сестрой в куклы играл, вот и пригодилось. Вы там от кукол ничем не отличались...

– Ну да, такие куклы по шестьдесят килограммов...

– Да. Пока вас собирали, Вовка пулей к деду смотался и транспорт надыбал, снегу ведь – по пояс, не донести, и растрясти боялись. Ценный груз кантовать нельзя, вдруг вывих или перелом, мы же не знали, как вы падали... а потом мы вас к избе на санках доставили.

– А, кстати, дед... как он среагировал?

– Знаешь, спокойно. Афанасий сказал, что та пара, которая за год до нас у него гостила, угорела-таки в бане до смерти. Он их потом в снег закопал, говорит, до весны мясо не испортится на морозе-то...

Марина испуганно посмотрела в сторону печи, на которой храпел дед, потом перевела взгляд на ребят, и тут тишина раскололась. Все расхохотались. Смеялись долго, до изнеможения, избавляясь от накопившихся за последние дни страхов, неловкости и усталости...

Вскоре девочки задремали, тут же мгновенно и крепко заснули ребята – нервам требовался отдых: слишком много пришлось пережить за сегодняшний день, да и вчерашний отдыхом не назовешь.

Проснулись поздно. Девушкам подниматься не разрешили. Мальчишки сами приготовили обед. Вечером провели совещание. К разочарованию Володи, решили возвращаться на базу уже знакомым путем. Назавтра Катя с Мариной, вероятно, окрепнут и смогут передвигаться самостоятельно. В запасе у группы есть еще три дня, нет смысла дожидаться приезда дедова брата и просить, чтобы тот подбросил до турбазы, ведь когда он решит навестить Афанасия, никому неизвестно.

Мальчишки носились вокруг Марины с Катей, предупреждая все их желания. Лица Миши и Сани выражали серьезную озабоченность. Володя время от времени погружался в горестную задумчивость. Катя вскоре повеселела, напевая, поднялась и запорхала по избе. Марина изнеможенно лежала, окутанная неясным туманом, переживая, что тело ее плохо слушается, голова кружится...

«Вот, черт, что ж я такая дохлая, ведь завтра решили возвращаться, а дойду ли? Я и с постели не знаю еще, как встать. Пожалееет Мишка, что взял меня в поход, больше не будет брать. А что обо мне думает сейчас Саня? Стыдно ужасно, как представляю, как они нас одевают, а мы валяемся, словно тряпичные куклы... Неужели они это втроем делали, и Миша, и Вовка видели меня голую?! А мои походные утепленные трусы, это ж страх божий...»

Марина застонала, представив этот позор. Володя подбежал:

– Мариш, что?!

– Ах, Вовка, не обращай внимания, это я о своем, о девичьем...

– Принести тебе чаю?

– Спасибо, нет, потом ведь в туалет захочется, а для меня сейчас это трудновыполнимая задача...

– Так ты не волнуйся, мы тебе, это, тут ведро приготовили, выходить на улицу не придется...

– Еще чего! Я лучше лопну, чем соглашусь на такое... А где Катя? Вообще, где все, я никого не вижу...

– Катя с Мишкой пошли гулять, Саня дрова колет, дед дрыхнет.

Вечером ужинали, пристроившись рядом с Мариной. Ее спустили на нижнюю полку, Катя с Мишей переложили свои спальники наверх. Разлили остатки водки. Марина не стала. Есть тоже отказалась.

Катя подняла эмалированную кружку:

– Хочу сказать: Мариш, ты – мой спаситель. Ты меня вытащила, а сама надышалась угарным газом. Ты теперь на всю жизнь – моя названная сестра!

– Да. Марина, ты – настоящий герой, спасибо тебе за Катю! – Мишка встал и пожал Марине руку.

– Ты действительно так считаешь? – Марина благодарно улыбнулась. – Я так не хотела вас подвести, но вот сначала лыжа, потом это...

– В том нет твоей вины, так сложились обстоятельства...

– Это мы виноваты, что вы угорели, никогда себе этого не прощу. Не сумели нормально провести, боялись выстудить баню. – Саня залпом допил водку.

Ночью он ласкал Марину, пытаясь возбудить, но сам возбудился так, что, несмотря на ее слабое сопротивление, овладел ею. Марина не испытала никакого удовольствия, только жгучий стыд и бессилие.

«Зачем он это сделал, это же просто насилие, а не любовь, неужели нельзя было сдержать свою похоть...» Марина отвернулась к стенке и беззвучно заплакала. Саня крепко проспал до утра. Она не сомкнула глаз.

На прощанье дед вручил Марине почти новые лыжи со словами:

– Блат пливез, а мне без надобности, куда уж. Ну, бывай здолова, девка, жить тапелича табе долгаааа...

До турбазы добрались без приключений. Старую займку нашли легко. Переночевали, утром, не торопясь, двинулись. Миша никому больше не доверял, сам вел группу, шли медленно, но уверенно. На турбазе мельтешили новые туристы. Имя Кости послужило безотказным пропуском. Ребятам выделили комнату. Там висело большое зеркало, Марина всмотрелась: картина маслом. Щеки впали, глаза ввалились, на скуле красовался огромный сине-зеленый синячище.

На следующий день вернулся Костя. Он передал группу другому инструктору и вернулся, чтобы лично проводить ребят. Очень ему неудобно было, что так вышло, что пришлось ребят бросить. Услышав про их страшные приключения, пришел в ужас.

– Какое счастье, что все так благополучно кончилось, все живы-здоровы, отделались фингалом.
– А я так просто легким испугом, – рассмеялась Катя, – спасибо сестре!

Откуда-то взялась бутылка «Салюта», которую немедленно разлили по походным кружкам.

– Ребята, я счастлив, что познакомился с вами! Очень надеюсь, что мы еще когда-нибудь сходим вместе в поход!

Ребята застучали кружками, чокаясь, и Костя воскликнул:

– Замечательно! Намечается свадьба!
– Это с чего ты взял? – удивился Мишка.
– А руки с выпивкой скрестились, примета такая... судьба, значит...

Миша с Катей многозначительно переглянулись, Марина посмотрела на Саню, но тот смотрел в кружку.

Уже в поезде Миша торжественно при друзьях сделал Кате предложение.

– Я хочу, чтобы ты всегда была рядом!
– Даже в бане! – подхватил вездесущий Вовка. Все расхохотались, снизив пафос, а то уж слишком серьезно выходило.

Катя тут же попросила Марину стать ее свидетельницей на свадьбе:

– Ты мне больше, чем сестра! Мы хотим, чтобы вы с Сашей оба были нашими свидетелями, да, Миш? Марина выжидающе взглянула на Саню. Тот молча кивнул, но глаза отвел. После всего пережитого в их отношениях появилась какая-то натянутость.

В поезде Марине было грустно и холодно и все время хотелось плакать. Она заскучала по своей уютной комнате со стопками книг на подоконнике, по родителям, по Москве.

Никаких песен в вагоне уже не пели – отсыпались, чтобы родителей не напугать своим измененным видом.

Дома Марина описывала северные красоты во всех подробностях, как весело они с ребятами провели время на турбазе: катались на лыжах, играли в снежки, вот ей случайно при взятии снежного городка в глаз и попали. Мама ахала, тревожно разглядывая желто-фиолетовый синяк на скуле осунувшейся дочери.

– Кормили вас там уж точно плохо, сразу видно, экономят на студентах, знают, что молодежь жаловаться не будет, а надо бы...

Эх, мама, знала бы ты правду...

Синяк, конечно, получился знатный, в пол-лица: это когда она Катю из бани выталкивала, потеряла сознание и, падая, о порог ударилась. Еще бы чуть-чуть, и в висок... страшно подумать, что стало бы с родителями.

Через две недели Саша предложил Марине сходить в ЗАГС. Как-то чересчур буднично. Пошли, подали заявку. Будущий жених попросил сотрудницу ЗАГСа назначить дату на максимально отдаленный срок.

– Хорошо, тогда через три месяца. Молодцы, что не торопитесь, – одобрила полная строгая женщина с большой бородавкой на лбу, подписывая их заявление, – а то все побыстрее норовят, а потом через месяц разводиться бегут. Кому нужны эти скороспелые браки...

- Просто мне нужно еще уладить вопрос с мамой, с жильем и заработать денег на свадьбу, – поспешил объяснить Саня сотруднице и ни о чем не спрашивающей Марине.
- А мама что, не знает? – Сотрудница удивленно покачала головой.
- Мои родители, впрочем, тоже, – поспешила вставить Марина, – скажем предкам за неделю до свадьбы, чтоб не волновались раньше времени и не суетились.
- Ну да, это ж только нас двоих касается, – подхватил Саня.

Сотрудница ЗАГСа скептически прищурила один глаз, прицеливаясь.

- Вам, молодежь, еще надо подумать и все взвесить, прежде чем расписываться. Вас же никто не гонит, не заставляет...

Выйдя на улицу, Марина не испытала ни радости, ни возбуждения, словно все это происходило не с ней, а во сне.

Саня неуверенно предложил зайти в кафе, выпить по бокалу шампанского. Марина отказалась, сославшись на недомогание. Они разошлись, не договорившись о следующей встрече.

Прошел месяц. От Сани не было никаких известий. Не звонили ни Миша, ни Катя. С каждым днем в Мариной душе все больше росла обида и буквально вопила оскорбленная женская гордость. Все меньше хотелось видеть будущего мужа (какое странное слово). «Что это было? Зачем?» Она ела себя поедом, вспоминая все непривлекательные моменты их отношений, и так измучилась, что сама позвонила друзьям. Миша взял трубку.

- Миша, что случилось с Саней?

Миша ничего не стал объяснять по телефону, спросил, есть ли кто дома, и немедленно примчался. Родители были на работе. Марина нажарила картошки, придвинула тарелку Мише.

- Маринка, ты замечательная девушка и надежный товарищ! Если бы не Катька, я бы, честное слово, женился на тебе. – Он отставил пустую тарелку, опустил на колени и принялся целовать Марине руки. До их с Катей свадьбы оставалось всего две недели.
- Миш, не надо, что ты делаешь?! Просто ответь честно: Саша, что... меня не любит?
- Мариша, да, он подлец! Забудь его! Он мне больше не друг! У нас будет один свидетель – ты! Ведь ты фактически спасла Катьке жизнь. Если бы ты ее не вытолкнула тогда из парной, неизвестно, что бы было, мы же тогда не сразу пришли за вами... могли бы получить два трупа.

Ты спасла две жизни, а мне – честь и избавила от жесточайших мук совести на всю оставшуюся жизнь.

Мишка поднялся и крепко обнял Марину. Она зажмурилась, но слез, оказывается, накопилось так много, что вскоре весь Мишкин свитер на груди промок, и его даже пришлось повесить на батарею подсушиться.

Марина хотела напоить Мишу чаем, но он помогал головой.

- Иди ко мне...

- В каком смысле? – Марина растерялась.

Миша был настойчив и подошел сам. Когда он подхватил девушку на руки и понес в комнату, она не стала сопротивляться. В голове мелькнуло: «А как же Катя?», но Марина закрыла глаза. Ах, какая сладкая месть Сане, да и Мише с Катей, впрочем, тоже... за все пережитое.

Потом полежали, помолчали. Секс с Мишкой Марине не понравился. Быстро, скупо, суетливо. Саня в этом плане был большим докой, вероятно, опыт. Миша встал, оделся, попросил разрешения закурить, раскрыл окно, сделал пару затяжек, выбросил сигарету, закрыл окно. Вернулся к Марине.

- Маринка, а Катя, похоже, меня не любит. Любит только себя.

Марина ничего не ответила. Поднялась, без стеснения оделась.

- Я ничего не знаю, мы с ней давно не разговаривали.

Марина сухо поцеловала Мишу в щеку и выпроводила, резко захлопнув дверь.

«Ну все, хватит с меня девичьих грез! Прости, подруга! Теперь и у меня мужики попляшут, да не дрогнет мое женское сердце!»

На Катину-Мишину свадьбу Марина не пошла. Без свидетельницы обойдутся.

